

С. Н. Кистерев

ГОСТИНОЙ СОТНИ ЧЕЛОВЕК КОНСТАНТИН ПАРФЕНЬЕВ

Трудами Н. Б. Голиковой фактически заложены основы изучения персонального состава купеческой корпорации, известной под наименованием «гостиная сотня».¹ Выявлены многие семейства, представители которых были зачислены в эту сотню, установлены хронологические рубежи в истории корпорации в целом, названы источники формирования сотни, в значительной мере определены сферы деловых интересов торговых людей, призванных пополнить ее ряды. Однако упомянутые работы историка требуют своего продолжения в виде изучения, по возможности, но прежде всего, биографических данных о конкретных представителях торгово-предпринимательского сообщества, из числа которого и рекрутировалась гостиная сотня. Именно эти исследования в дальнейшем позволят более отчетливо, более верно судить о профессиональных качествах корпорации, привенной на службу Русскому государству в области торговли и финансов.

Одним из торговых людей гостиной сотни второй четверти XVII в. был Константин Парфеньев, согласно данным Н. Б. Голиковой, зачисленный в сотню в 1636–1637 годах.² В 1636 году Парфеньев был назначен таможенным и кабацким головой Устюга Великого, а результатом деятельности его на этом посту стала рукопись, содержащая тексты таможенных книг Устюга за 1636/37 г.³ Вероятно, именно

---

¹ Голикова Н. Б. 1) Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998; 2) Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в. Из научного наследия. М.; СПб., 2012.

² Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России в XVI — начала XVIII в. Т. 1. С. 284.

³ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Устюг Великий. Кн. 34.

сведения о нахождении Парфеньева на посту устюжского таможенного головы и стали основанием для заключения Н. Б. Голиковой о времени мобилизации Константина в состав сотни.

До зачисления в московскую купеческую корпорацию Парфеньев какое-то время проживал в Вологде, что засвидетельствовано составителями городовой писцовой книги 1626/27 г.: «От Вознесенских ворот идучи подле города у старых у проезжих ворот ... д. пуст крестьянина Константина Парфеньева в дл. 10 с., попер. 5 с. без чети».⁴ Запустение этого двора не означало отъезда его бывшего владельца из Вологды. Известна датированная 13 января 1627 года купчая, оформлявшая переход во владение Константина обустроенного торгового помещения: «Се аз, Третьяк Сидоров сын, вологодского архиепископа крестьянин Никольские слободы, продал есми тое ж Никольские слободы крестьянину Константину Парфеньеву сыну Солодянику лавку свою на Вологде внутри города на площади по проездному мосту от проездных каменных ворот на правой руке, двоусаженную по лицу, со всем лавочным нутром, что в стенах держит, на одном брусе, тое ж слободы Никольские со крестьянином с Кондратьем Никитиным сыном Корелиным, и с полатми, а з другую сторону лавка Глеба Ивановича Морозова крестьянина Офонасия Левонтьева сына Лихачева. А взял есми у Константина на той своей лавке со всем лавочным нарядом двадцать восемь рублей, деньги все наперед без выкупа...».⁵ Желая покинуть город, не тратят значительные средства на приобретение в нем недвижимости.

Купленная в январе 1627 г. лавка не была первой во владении Константина Парфеньева. Городовой писцовой книге известны другие такие же его объекты. Так, «по проезжей улицы от таможни к Пятницкой башне идучи по левой стороне», пешеход обнаруживал лавку «архиепископля крестьянина Константина Парфеньева, а наперед тово была архиепископля крестьянина Тренки Сидорова, по лицу 2 с. с третью, оброку 16 алт. 4 д.».⁶ Двигаясь же «по большой проезжей улице от таможенной площади к Вознесенским воротам ... по правой стороне», можно было наткнуться на «лавку с четью архиепископля крестьянина Константина Парфеньева», ранее принадлежавшую посадскому человеку Грязке Корнилову сыну Кормушину, «по лицу пол-трети саж., владеет по купчей 131 году, оброку 6 алт. 2 д.».⁷ В Иконном торговом ряду, называвшимся также

⁴ Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904. С. 92.

⁵ Там же. С. 189–190.

⁶ Там же. С. 51, 52.

⁷ Там же. С. 62, 63.

Свечным, Константин еще в 1622/23 г. купил у Посника Давыдова, крестьянина боярина Ивана Никитича Романова, обремененную трехалтынным оброком полулавку «по лицу сажень с пол-полчетью».⁸ Приведенные сведения, характеризуя мобилизацию недвижимости в деловой среде Вологды в 20-х годах XVII в., показывают постепенное расширение владений Константина Парфеньева за счет объектов, ранее принадлежавших представителям различных социальных групп, что создает представление о росте его капитала.⁹ Сам владелец перечисленных лавок проживал во владычной Никольской слободе, что засвидетельствовано записью в писцовой книге князя И. А. Мещерского и подьячего Федора Стогова 1626–1628 годов.¹⁰

В ближайшие годы социальное положение Константина не менялось, что явствует из записи в таможенной книге города 1635 г.: «у вологженина владышни Никольские слободы у Костянтина Парфеньева 120 мехов соли, цена 600 р. Взято рублевого и замыту и весу 9 р., свалу рубль 26 ал. 4 д., за откуп весу и припуску и подъему и рукознобу 2 р. 3 ал. 2 д., записки и на бумагу 4 ал. з деньгою. И всего взято 13 р. 5 д. Платил».¹¹ Оказывается, что Константин Парфеньев в это время оставался жителем принадлежавшей вологодскому архиепископу Маркелу Никольской слободы, занимаясь, помимо прочего, оптовой торговлей солью. Видимо, соль не была единственным товаром, к которому будущий главный устюжский таможенник проявлял интерес. Запись 14 января 1635 г. той же вологодской таможенной книги гласит: «Вологжанин Костянтин Парфеньев явил в проезд 7 возов сала. Записки и на бумагу 3 д., свалу и отвозу 4 ал. 4 д. И всего взято 5 ал. з деньгою».¹² Эта партия сала, не предназначавшаяся для реализации в принадлежавших Парфеньеву лавках, представляет его в качестве оптового перекупщика.

Приведенные записи писцов и таможенников пока остаются наиболее ранними упоминаниями о Константине Парфеньеве. Источники

⁸ Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. С. 71.

⁹ А. А. Гуслисова связывает увеличение сделок купли-продажи в отношении торговых помещений в Вологде в 1618/19 и 1627/28 годах с проводившимися писцовыми описаниями, ради которых и предпринимались усилия по приведению документации в порядок (Гуслисова А. А. Владельческая документация на торговые помещения в Вологде по писцовым книгам 1626–1628 гг. и 1685–1686 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М., 2015. С. 177). По приведенным данным только одна лавка была приобретена К. Парфеньевым в соответствующий период, что выдает его иные интересы.

¹⁰ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда. Кн. 1. Л. 594 об.

¹¹ Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. Ч. 1. М., 1983. С. 23.

¹² Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. Ч. 2. М., 1983. С. 279.

достоверных сведений о его происхождении и родственных связях не выявлены, хотя отдельные догадки на этот счет можно сделать. Например, в таможенной книге Тотьмы 1626/27 г. читается: «Мая в 9 день плыл дощаником вологжанин Кондратий Парфеньев, в мере дощаник 23 сажени 3 чети, платил с сажени по 5 алтын по 2 деньги, гостиново 2 алтына, с носника и с кормщика 4 алтына, с ярыжных с 26 человек по 5 денег с человека, всего 4 рубля 21 алтын».¹³ Исходя из указания на место проживания Кондратия и учитывая присвоенный ему патроним и хронологию событий, в этом вологжанине можно видеть близкого родственника Константина Парфеньева, не исключено, старшего брата.¹⁴

На роль отца Константина, а не исключено, и Кондратия мог бы претендовать в наших построениях упомянутый во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря, видимо, состоятельный вологодский торговец: «106-го. С Вологды купчина Парфенеи Спасителев по брате своем по Третиаке дал пятьдесят два рубли. Да прежняго их в 87-м году даяния пятьдесят рублей».¹⁵ В Третьяке, умершем не позднее 1597/98 г. и отметившемся совместным с братом вкладом 1578/79 г., можно было бы видеть дядю Константина и Кондратия. Принимая во внимание состоятельность братьев Третьяка и Парфения, в первом из них допустимо усмотреть персонажа приходной книги казначея Соловецкого монастыря Архипа, записавшего летом 1572 г.: «Продано шелку червчятого два золотника, взято два алтына, Третьяку вологжанину».¹⁶ Шелк не относился к числу предметов, настолько интересовавших людей, не обладавших материальным достатком, чтобы они без нужды тратились на его приобретение, но и исключать возможности интереса с их стороны к этому товару нельзя. Разумеется, столь малый объем закупки говорит о приобретении для

¹³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. Кн. 2. Л. 154 об.–155.

¹⁴ Писцовой книге Вологды 1626/27 г. Кондратий Парфеньев неизвестен, что находит на мысль о возможной ошибке составителя тотемской таможенной книги, написавшего «Кондратия» вместо «Константина». Однако в книге пошлини с иного-родных торговцев в Тотьме в 1626/27 г. отмечена уплата пошлины носником Шумилем Синцовым, проводившим это судно Кондратия Парфеньева (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. Кн. 2. Л. 329 об.–330).

В июле 1627 г. к челобитной русских торговых людей, среди которых были жители разных городов, в том числе и вологжане, приложил руку некто «Семейко Парфеньев» (Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 2004. С. 103), писцовой книге Вологды 1626/27 г. также неизвестный.

¹⁵ РНБ. Кир.-Бел. № 87/1325. Л. 294.

¹⁶ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. М.; СПб., 2013. С. 55.

каких-то личных нужд, почему и рассуждать о степени зажиточности покупателя на основании лишь этой записи не приходится. Однако «Третьяк вологжанин» упомянут в документации Соловецкого монастыря еще раз, и теперь о его благосостоянии можно говорить более определенно. В приходной книге старца вологодской монастырской службы Вассиана в сентябре 1584 г. отмечено: «Продали Третьяку вологжанину 11 рогож, а в них соли 334 пуда 3 чети, по 2 алтына з денгою пуд, денег взяли 21 рубль и 23 алтына 4 денги».¹⁷ Краткость указаний на личность покупателя в обоих случаях в отчетных финансовых документах предполагает известность Третьяка монастырским властям, что и позволяет отождествлять фигуранта двух разновременных и составленных в разных местах документов. Солидному же вологодскому солеторговцу вполне по силам было пожертвовать белозерскому монастырю полсотни рублей, разделив тяжесть утраты с братом.

Заманчиво в Парфении и Третьяке Спасителевых видеть родственников Константина Парфеньева, однако пока это лишь вольное допущение, нуждающееся в дополнительных аргументах.¹⁸ Зато имеются сведения о его сыновьях. Так, в записи вологодской таможни 11 февраля 1635 г. значится: «Вологжанин архиепискупль крестьянин Мартъян Константинов сын Парфеньева явил воз сала сырцу, цена 22 р. Записки и на бумагу, рублевого, свалу, весу и замыту и всего взято 12 ал. Платил». ¹⁹ Уже взрослый сын Константина месяцем позже отца провозит через родной город небольшую партию того же товара.²⁰

Мартемьян был старшим из Константиновичей, как то следует из указания переписной книги Вологды 1646 г., где в части, касающейся Никольской владычной слободы архиепископа Маркела, пер-

¹⁷ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600 гг. С. 484.

¹⁸ Не менее увлекательно усмотреть родственника Константина в среде чинов вологодского архиерейского дома. В письме вологодского архиепископа Сильвестра 4 мая 1613 г. среди адресатов упоминается владычный дьяк Исаак Парфеньев (*Суровов Н. Исторические сведения об иерархах Древнепермской и Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. Прибавление. 1865. № 20. С. 800*). Не исключено, что это племянник Третьяка и сын Парфения. Состоятельность последнего помогла занять место Исааку, а его положение могло способствовать и возышению брата — Константина.

¹⁹ Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. Ч. 3. М., 1983. С. 372–373.

²⁰ Через два года, в 1637 г., Мартемьян Константинович вместе с вологжанином же Осипом Антиповым подрядится поставить 2000 ведер вина на казенный кабак в Холмогоры (*Булгаков М. Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004. С. 215*), видимо, существенно расширив сферу приложения своих способностей.

выми среди крестьян указаны «во дворе Мартьянко, да Сидорко, да Микифорко Костентиновы дети Парфеньева».²¹

Записи вологодской таможенной книги, называющие Константина просто вологжанином, указывают, тем самым, что в состав гостиной сотни Константин Парфеньев мог быть зачислен в период с весны 1635 года по весну же года следующего. Отбор кандидатов на должности таможенных голов осуществлялся, как правило, в начале лета, и Парфеньев должен был им соответствовать по положению.

Еще более важным было соответствие по деловым качествам. Вероятно, хозяйственной сметки новоназначенному голове тоже было не занимать. Стоит отметить, что, принимая на себя обязанности таможенного и кабацкого головы, Константин уже 26 августа 1636 г. купил у тотмянина Семена Тихонова сына Глызина на устюжские кабаки кипу хмеля, проявляя тем самым заботу об обеспечении кабаков сырьем для пивоварения.²² Как свидетельствуют материалы его переписки с Устюжской четвертью, Константин всячески старался исправно исполнять свою службу и принести казне максимальный доход, используя для этого даже сомнительные средства, вроде учреждения временных кабаков.²³ Тем не менее, способностей Парфеньева оказалось недостаточно для того, чтобы угодить потребностям царской казны. 24 июля 1639 г. посадский земский судейка Насон Леонтьев в своей явке, мотивируя невозможность находиться на службе вместе с земским же судейкой Леонтием Толстоуховым, писал: «да нынешняго же 147-го году по твоей государеве грамоте велено столнику и воеводе князь Матфию Васильевичю Прозоровскому да Арефе Башмакову на Устюге на посаде и в уезде обыскати прошлого 145-го году про твой государев таможенной и кабацкой недобор головы Констентина Парфеньева с товарыщи».²⁴ Следовательно, результаты работы Константина оказались худшими, нежели от него ожидали руководители Устюжской четверти. Естественно, что недобор как убыток в виде упущенной прибыли Парфеньев должен был возместить из собственных средств.

Помимо торговли, судя по немногочисленным данным, не очень активной, Константин Парфеньев имел и иной промысел. Запись

²¹ Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. Т. 1. М., 2008. С. 74. В документе апреля 1628 г. Парфеньевы как жители слободы не фигурируют (Архив СПБИИ РАН. Ф. 117. Колл. Савваитова. Оп. 1. № 88. Л. 69).

²² Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 191. (Далее — ТКМГ).

²³ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1637 г. № 18. Ч. 1. Л. 21–25, 32–34а.

²⁴ РИБ. Т. 25. СПб., 1908. С. 215–217. № 165.

29 октября 1634 г. в таможенной книге Вологды сообщает о транспортном предприятии будущего главы устюжской таможни: «Вологженин Константин Парфеньев явил дощаник с чюжими товары, 20 чел. деловых. Записки и на бумагу, с людей шестовины и з дощаника привязного и всего взято 17 ал. з деньгою. Платил».²⁵

3 мая 1635 г. два дощаника мимо Устюга проводил взрослый Константинов сын Сидор: «Константина Парфеньева сын Сидор приплыл двема дощаники, ярыжных 27 человек, мерою дощаник 17 сажен с осминою, другой 15 сажен 2 чети».²⁶ Видимо, дощаники принадлежали самому Константину Парфеньеву, иначе трудно было бы объяснить упоминание его на первом месте как отца прибывшего с ними. Суда направлялись к Соли Вычегодской, откуда груженые солью Ивана Строганова возвращались в Вологду через Устюг 22 мая.²⁷ При этом составитель таможенной книги записал длину меньшего из них прежней, тогда как для большего она оказалась увеличена — 17 саженей с четвертью. 22 июля братья Мартемьян и Сидор плыли вниз по Сухоне: «Вологжанин Мартемьян Константинов з братом Сидором плыли в дощанике, ярыжных 24 человека да четыре иноземца, мерою дощаник пятнадцать сажень 3 чети».²⁸ 13 сентября того же года Сидор проследовал на дощанике же, но меньшего (15,5 саженей с осминою) размера из Холмогор к Вологде.²⁹

Итак, в 1635 г. таможенная документация фиксирует четырехкратное прохождение принадлежавших Парфеньевым судов мимо Устюга Великого. Появившиеся там 3 мая два дощаника 22 числа того же месяца двигаются в обратном направлении, но для одного из них изменились, хотя и незначительно, данные измерения длины. Необходимо понять, относится ли это к погрешности измерителя или к небрежности составителя книги. Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к записям о взимании пошлин в обоих случаях.

²⁵ Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. Ч. 1. С. 84.

²⁶ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 1. СПб., 2013. С. 216.

26 мая 1627 г. через Тотьму на лодье проследовал вологжанин Сидор Костянтинов (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма. Кн. 2. Л. 167 об.), в котором трудно видеть кого-то, кроме сына Константина Парфеньева. Следовательно, к лету 1635 г. у Сидора был уже солидный стаж плаваний по Сухоне.

²⁷ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 1. С. 221–222. Примечательно, что в тот же день прибывшие на тех судах 28 присадчиков, 7 ярыжных и вологжанин Иван Калистратов с товарищем заплатили за себя положенную явку, тогда как еще 7 ярыжных и холмогорец Василий Иванов платили за себя только 25 мая (Там же. С. 270).

²⁸ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 1. С. 234.

²⁹ ТКМГ. Т. 1. С. 232.

3 мая Сидор Парфеньев «платил проплавной пошлины по гривне с сажени, побережного по 2 гривны, записки по 2 алтына, гостиного по 2 алтына с судна, с ярыжных да с повара по 4 деньги с человека, з двух сухонских носников по пяти алтын по 2 деньги с человека, з двинских з двух носников да з двух кормщиков по гривне с человека, и всего пять рублей шесть алтын с полушкою».³⁰ Платеж, за исключением посаженного, составил 384 деньги, а за все вместе — 1036,5 денег. Тем самым, в счет посаженного было уплачено 652,5 деньги, то есть именно столько, сколько причиталось с судов в 15,5 и 17,125 саженей. Значит, в данном случае нельзя видеть какую-либо ошибку составителя книги, поскольку при наличии таковой совпадение отдельных платежей, общего итога и параметров судна было бы невозможно.

22 мая он же «платил задние пошлины по 10 денег с сажени, побережного по 2 гривны, записки по 2 алтына да гостиного по 2 алтына с судна, с ярыжных да з 2-х поваров по 4 деньги с человека, з двинских двух носников да з двух кормщиков по гривне с человека, с сухонских двух носников 10 алтын 4 деньги, и всего три рубля 20 алтын пол-4 деньги».³¹ Общая сумма платежа с экипажа, помимо посаженного с дощников, составила 396 из 723,5 денег. На долю посаженного, таким образом, остается 713,5 денег, что полностью соответствует записям книги о размере судов в 15,5 и 17,25 саженей. Следовательно, и в данном случае никакой ошибки составителя книги не наблюдается.

Таким образом, остается сделать вывод, что расхождение в указании длины одного из дощников стало следствием работы обмерщика, который либо в первом случае преуменьшил, либо во втором преувеличил размер судна.

Тем же способом проверим записи 22 июля и 13 сентября. В первый из дней «платили пошлины задние по десяти денег с сажени, побережного 2 гривны, записки 2 алтына, гостиного 2 алтына, с сухонского носника 5 алтын 2 деньги, з двинского носника и с кормщика по гривне с человека, с ярыжных по 4 деньги с человека да за 4-х человек торговых платил по 2 алтына с человека, и всего два рубля 6 алтын пол-2 деньги».³² Общий платеж составил 437,5 денег, из которых на долю «пошлины задние» приходилось 157,5 денег, то есть в полном соответствии с размером судна в 15,75 сажени, как и указано в книге ее составителем.

³⁰ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 1. С. 216.

³¹ Там же. С. 222.

³² Там же. С. 234.

Во втором случае таможенный служитель записал: «...Вологжанин Сидор Константинов сын Парфеньева шел с Колмогор к Вологде дощаником с товарною кладью, ярыжных 22 человека, двинской носник да кормщик; мерою дощаник 15 саженей 2 чети с осьминою. Платил пошлину по гривне с сажени, побережного 2 гривны, записи 2 алтына, гостиного 2 алтына, с ярыжных да с повара по 4 деньги с человека, з двинского носника да с кормщика по гривне с человека, с сухонского носника 5 алтын 2 деньги. Да с того же судна кладчик Василий Карпов платил 2 алтына. С того же судна ярыжные присадчики Данило Иванов с товарыщи, 20 человек, платили по 4 деньги с человека. И всего в той статьи 3 рубли 5 алтын пол-3 деньги».³³ Если исключить из общей суммы в 632,5 деньги уплаченное сторонними людьми (92 деньги) и Сидором за все, кроме посаженной пошлины, то на последнюю останется именно 312,5 денег, как и положено для судна в 15,5 саженей с осьминою. Следовательно, и здесь нет ошибки составителя книги, зато приходится признать, что обмерщик то ли в первом случае прибавил осьмину к длине дощаника, то ли во второй из дней преуменьшил ее на ту же осьмину.

Таким образом, необходимо констатировать, что работа обмерщиков оставляла желать лучшего, не отличаясь точностью, несмотря на претенциозные указания мелких долей сажени. Это, в свою очередь, заставляет подозревать, что описание 3 и 22 мая, 22 июля и 13 сентября дощаников в 15 с половиной, 15 с тремя четвертями и 15,5 с осьминой саженей на самом деле представляет одно и то же судно, совершившее рейс от Вологды до Соли Вычегодской и обратно, а затем — до Холмогор, опять же с возвращением.

Поскольку анализ записей позволяет прийти к выводу о тождестве описываемых дощаников, то оказывается, что в распоряжении Парфеньевых в 1635 г. находились только два судна, одно из которых использовалось лишь в транспорте до Соли Вычегодской, а второе, кроме этого, и до Холмогор. При этом всякий раз на дощаниках провозились принадлежавшие сторонним людям грузы, будь то соль Ивана Строганова, кладь четырех безымянных иноземцев или некоего Василия Карпова. Отсюда можно заключить, что и в 1635 г. Парфеньевы занимались транспортировкой чужих товаров как самостоятельным промыслом. Видимо, это предприятие приносило существенный доход в дополнение к торговым операциям главы семейства.

Не менее интересны для выяснения сферы деятельности Парфеньевых и записи в таможенных книгах следующего года. 27 апреля с проплавного судна Константина Парфеньева вологжанин Дружина

³³ ТКМГ. Т. 1. С. 232.

Иванов явил на продажу в Устюге свежую рыбу.³⁴ В предыдущих записях о проходящем мимо Устюга судне Парфеньева ничего не сказано, зато 29 апреля 1636 года отмечено, что Сидор плыл на дощанике, длиной без осьмины 20 саженей, мимо Устюга от Вологды будто бы к Холмогорам.³⁵ Расхождение в числах требует своего объяснения, поскольку позволяет видеть в одной из записей ошибку в дате.

Запись 27 апреля начинается не сообщением о явке Дружины Иванова, а известием о партии леса у Матвея Григорьева. Более того, явка Дружины в подсчетах платежей совмещена с сообщением об уплате гривны тотменином Романом Тимофеевым, и для обеих явок приведен общий и точный итог. Иными словами, подозревая ошибку в дате известия о Дружине Иванове, следует допускать, что та же ошибка была совершена и применительно к платежу Романа Тимофеева. Отсюда появляется уверенность в справедливости датировки явки рыбы земляком Сидора Парфеньева.

Не менее трудно видеть ошибку и в дате записи о дощанике С. К. Парфеньева, поскольку она указана в предшествующей записи о приезде двух дощаников Тимофея Игнатьева сына Белавинского, а после текста о Парфеньеве следуют еще две записи «того же дня». Выход из создавшегося затруднения, видимо, найдется, если допустить, что прибытие в Устюг дощаника и осмотр его таможенниками произошли в разные дни. По-видимому, у Сидора нашлись причины не спешить с предъявлением судна, и это подтверждается другими записями в таможенной документации.

Как выясняется, принадлежавший Константину Парфеньеву дощикник проследовал не до Холмогор, а к Соли Вычегодской: «Апреля же в 29 день Фалелеева же товару привезено с Вологды на проплавном судне Константина Парфеньева 20 кож дубленых. На том же Константинове судне Фалелей пошел к Соле Вычегоцкой».³⁶ К Соли судно отправилось на другой день после осмотра в Устюге, причем Осипом, племянником Фалелея Чернышева, туда уже был погружен принадлежавший усольцу Ивану Протопопову груз меда.³⁷ Вполне вероятно, что доставившее товар Фалелея Чернышева судно должно было задержаться, ожидая погрузки меда Ивана Протопопова. Не исключено, что именно с этим связано изменение направления

³⁴ ТКМГ. Т. 1. С. 186.

³⁵ Там же. С. 242.

³⁶ Там же. С. 162.

³⁷ Там же. Фалелей Чернышев был крестьянином стольника Глеба Морозова, владел в Вологде полулавкой (Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. С. 39). Его племянник Осип, также крестьянин Глеба Морозова, в 1622/23 г. продал свою лавку посадскому человеку Потапу Кузьмину (Там же. С. 47).

движения судна, и вместо Холмогор конечным пунктом оказалась Соль Вычегодская.

Уже 22 мая 1636 г. Сидор вел двадцатисаженный дощаник из Соли Вычегодской в Вологду.³⁸ Несомненно, что это тот же дощаник, на котором перевозились товары Чернышева, что, в свою очередь, заставляет оценить относительную точность производимых таможенниками обмеров судов. Дощаник Парфеньева менее чем за месяц вырос в длину на целую осьмину, что не вызвало удивления даже у самого судовладельца и его сына.

Нетрудно заметить, что используемое Сидором судно — новое в хозяйстве Константина Парфеньева. В предыдущем году дощаника такого размера у него не было. И этот дощаник оказывается не единственным. 26 июня из Холмогор мимо Устюга в Вологду проследовал дощаник мерой 20 саженей без осьмины, руководимый приказчиком Константина Парфеньева Третьяком Фоминым.³⁹ В то же время в 1636 г. отсутствуют упоминания о меньших дощаниках, применявшихся ранее.

1 сентября 1636 г. Константин Парфеньев вступил в должность таможенного и кабацкого головы в Устюге, и на весь период службы он исчезает со страниц документов как предприниматель, хотя его сыновья в них упоминаются. Так, под 30 апреля в таможенной книге Устюга имеется запись, сообщающая, что «вологженин Сидор Констентинов плыл с Вологды к Соле Вычеготцкой двема дощеники, ярыжных дватцать два человека, мерою дощаник дватцать сажен с четью, другой дощаник пятнатцать сажен с четью. На Устюге Сидор продал устюжаном Семену Антонову да Григорию Протодьяконову мыла белого одиннадцать косяков да мыла ж врознь девять косяков, цена мылу пятнатцать рублей, да воску продал Третьяку Стряхне шесть пуд дватцать четыре гривенки, да Григорию Прянишникову пуд воску, цена воску тритцать восемь рублей».⁴⁰ Парфеньевы не оставляют занятий торговлей, но представляемые ими товарные партии совсем незначительны по объему и стоимости, зато они пытаются продолжать заниматься транспортировкой чужих товаров на своих судах. Несомненно, на одном из них был доставлен в Устюг груз, предъявленный 5 мая приказчиком ярославцев Оглодаевых Ларионом Дементьевым: «привезено на проплавном судне Сидора Констентинова товару сапогов больших сто тритцать обувей, середние статьи сапогов дватцать пять обувей, малъя сапогов тритцать

³⁸ ТКМГ. Т. 1. С. 245.

³⁹ Там же. С. 248.

⁴⁰ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 2. СПб., 2014. С. 114.

обувей, поль белых шесть юфтей, дватцать сковород железных, восемь крашенин, гвоздя мелкого дватцать коробок».⁴¹ Однако дело это сыновья продолжают уже от своего имени, на что указывает характер таможенных записей. Например, одна из них сообщает, что «маия в 24 день вологженин Никифор Константинов сын Парфеньева плыл с Вологды в дощанике, ярыжных девять человек, сухонской носник да кормщик, мерою дощаник семнатцать сажен».⁴² Создается впечатление, будто самый младший из сыновей Константина, видимо, в этом эпизоде действует вполне самостоятельно, в качестве не зависимого от отца хозяина.

Со всей определенностью применительно к Сидору Константиновичу о том же говорит другой фрагмент документа под 25 мая: «Вологженин Сидор Константинов да приказщик его Терентий Борисов шли от Соли Вычеготцкой к Вологде двема дощениками, ярыжных тритцать шесть человек, мерою дощаник дватцать сажен с четью, другой дощаник пятнадцать сажен с четью».⁴³ Речь идет о тех самых дощниках, кои 30 апреля проследовали мимо Устюга к Соли Вычегодской. Теперь Сидор, имеющий собственного приказчика, возвращается в Вологду. Видимо, и на сей раз Сидор задержался в Устюге. Запись от 30 мая гласит: «Фалелей же явил вести к Вологде на Сидорове судне Константинова пятьдесят восемь кож яловичьих сырых, платил два алтына».⁴⁴ Владелец груза — все тот же Фалелей Чернышев, и это может свидетельствовать как о постоянстве деловых связей, так и об ограниченном спросе на транспортные услуги, узком круге их потребителей. Возможно, справедливо и то, и другое суждение. Относительная малочисленность купечества поневоле вынуждала к налаживанию стабильных отношений партнерства, и она же обусловливала узость рынка. По меньшей мере, пятидневный простой дощников Сидора в Устюге вряд ли не связан напрямую со стремлением не упустить заказ на перевозку компактного груза.

Обозрение приведенных относительно скучных данных позволяет заключить, что Константин Парфеньев был зачислен в состав гостиной сотни из числа средних предпринимателей, не располагающих капиталом, достаточным для ведения крупной оптовой торговли или развития значительного промыслового хозяйства. Занимаясь оптовой торговлей солью и другими видами торговых же операций, старший Парфеньев в момент включения его в служилую корпорацию немало внимания и средств уделял на развитие собственного тран-

⁴¹ Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 2. С. 17.

⁴² Там же. С. 117.

⁴³ Там же. С. 118.

⁴⁴ Там же. С. 27.

спорного предприятия, к работе которого приобщал и своих сыновей. Документы показывают, что этот промысел Парфеньева был успешен: ему удавалось проводить постепенную замену малых дощаников более крупными и даже увеличивать их количество.⁴⁵

Зачисление в гостиную сотню, очевидно, не повлекло немедленного отказа от привычного дела на Сухоне и Двине. Передача промысла в руки сыновей, превращение их в самостоятельных хозяев, хотя и сохранявших статус крестьян в слободе вологодского архиепископа, были связаны, видимо, с назначением в 1636 г. на должность таможенного и кабацкого головы в Устюге, совмещение которой с собственными деловыми операциями считалось недопустимым.

Неудача в исполнении должностных обязанностей, выразившаяся в малом сборе пошлин, должна была серьезным образом отразиться на личном благополучии Константина Парфеньева и стабильности его хозяйства. Однако этот сюжет как относительно случайный не может рассматриваться в плане характеристики устойчивости предприятий средней руки купцов и промысловиков, поскольку целиком лежит в плоскости взаимоотношений предпринимательских кругов и государства.

---

⁴⁵ Приобретение новых судов было операцией затратной. Так, 15 сентября 1636 г. в Устюге неоснащенный дощаник («голое дерево») был продан за 20 рублей (Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 2. С. 21), а 11 мая следующего года за ту же сумму был продан другой дощаник (Там же. С. 236). К сожалению, в обоих случаях не указаны размеры судов. Для сравнения: считавшийся большим струг «о семи упругах» продавался за два рубля (Там же. С. 244), а струг в 8 саженей — за три (Там же. С. 245).